

Ф. Харпер—свидетель Русской революции 1917 г.¹

Olga Porshneva

Подготовка к 100-летним юбилеям двух крупных событий мировой истории—годовщине начала Первой мировой войны и Российской революции 1917 г.—вызвала к жизни целый ряд научных проектов. Одной из их разновидностей стали работы по выявлению, критике и публикации новых источников, прежде всего эго-документов, по истории этих эпохальных событий². Дневники и воспоминания, созданные их участниками и очевидцами, являют собой первоначальную форму исторической памяти, являясь одним из источников формирования национальных традиций памяти. Они позволяют, помимо изучения всего многообразия проявлений опыта войны и Революции, проанализировать особенности формирования их образов в представлении современников, применительно к разным национальным сообществам, определить истоки и факторы, повлиявшие на их возникновение.

Крупным международным научным проектом, приуроченным к 100-летию Российской революции 1917 г., стало переиздание воспоминаний ее американских свидетелей («Americans in Revolutionary Russia»—«Американцы в революционной России»), реализуемое под руководством профессоров Н. Сола и В. Виссенханта в США с привлечением российских специалистов. На сайте проекта подчеркивается, что он направлен на переиздание трудов, зафиксировавших наблюдения и опыт американцев, ставших свидетелями войны и революции в России в период между 1914 и

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»)

² См.: Письма во власть в эпоху революции и Гражданской войны (март 1917—май 1921 г). Сборник документов / Сост. В.И. Шишкин. Изд. 2, расшир. и доп. (Новосибирск: Автограф, 2015); Россия 1917 года в эго-документах: Воспоминания / авт.-сост. Н.В. Суржикова, М.И. Вебер и др.; науч. ред. Н.В. Суржикова. (Москва: Политическая энциклопедия, 2015); Россия 1917 года в эго-документах: Записки репортера. (Москва: Политическая энциклопедия, 2016); Россия 1917 года в эго-документах: Дневники / авт.-сост. Н.В. Суржикова, М.Б. Ларионова, Е.Ю. Лебеденко, Н.А. Михалёв, С.А. Пьянков, Е.Ю. Рукосуев, Н.В. Середа, О.В. Чистяков, М.И. Вебер; науч. ред. Н.В. Суржикова; Институт истории и археологии УрО РАН (Москва: Политическая энциклопедия, 2017); и др.

1921 г. Подчеркивается, что большинство их мемуаров не были переизданы с тех пор, как они были впервые опубликованы сто лет назад. Эта серия предлагает новые издания этих работ с введением экспертов, текстовыми примечаниями, обширным справочным аппаратом³.

Введение в оборот новых источников позволяет не только комплексно осмыслить опыт России в мировой войне и Революции, но и углубить понимание проблем взаимовосприятия народов, исторической памяти о судьбоносных событиях национальной и мировой истории. В переломные периоды истории, каким была эпоха военно-революционного кризиса 1914–1921 гг., от представлений и поведения «великих» и «маленьких» людей, вовлеченных в процессы перемен, зависел исход событий. Это осознавали и их современники, многие из которых оставили документальные мемуарные свидетельства.

Образ России, ее народа, военных, государственных и общественных деятелей эпохи мировой войны и Революции глазами иностранного очевидца—не новая тема в историографии⁴. В преддверии юбилейных дат она получила мощный импульс в связи с актуализацией исторической памяти, необходимостью ответа на актуальные общественные и научные запросы⁵. Одним из подобных запросов является потребность в осмыслении влияния актуального образа войны и революции, запечатленного в мемуарах иностранных очевидцев, на формирование исторической памяти, мифов и образов этих событий в общественном сознании народов разных стран.

³ https://slavica.indiana.edu/series/Americans_in_Revolutionary_Russia дата обращения 18.04.2018

⁴ Norman E. Saul. War and Revolution. The United States and Russia, 1914–1921. (Lawrence, University press of Kansas, 2001); Захаров, А.М. Генерал Альфред Нокс—свидетель и мемуарист Февральской революции 1917 года, *Актуальные проблемы социальных наук. Герценовские чтения, 2005*. (Санкт-Петербург, 2005): 88-92; Давидсон, А.Б. Февраль 1917 года. Политическая жизнь Петрограда глазами союзников, *Новая и новейшая история*. no 1 (2007): 181-197; Павлов, А.Ю. Проблема восприятия военных усилий союзника в русско-французских отношениях периода Первой мировой войны, *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 6. Выпуск 3 (2010): 89-95; Журавлева, В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914. (Москва: РГГУ, 2012); и др.

⁵ Адамов, Д.П. Образ союзника: Россия глазами британской общественности в годы Первой мировой войны, *Уральский исторический вестник*. no 1 (42) (2014): 53-58; Портнягин, Д.И. Британские дипломатические и военные представители о состоянии русской армии и флота в 1917 г., *Великая война 1914-1918 гг. Альманах Российской Ассоциации историков Первой мировой войны*. Вып. 3. (Москва: Квадрига, 2014): 22-26; Разиньков, М.Е. «Они могли бы держаться годами, если бы...». Опыт комплексного анализа представлений интервентов о России, *Диалог со временем*. no 53 (2015): 216-238; Голубинов, Я.А. Наблюдая революцию: Британский отдел военного снабжения генерала Пуля в России в 1917–нач. 1918, *Гуманитарные науки в Сибири*. no 1, Vol. 24 (2017): 26-31; Бабинцев В.А., Галкина Ю. Реорганизация Французского военного представительства в России: предчувствие перемен (1916–1917), *Quaestio Rossica*. Vol 5, No 1 (2017): 241-254; и др.

В год столетия Русской революции 1917 г. в центре научных и общественных дискуссий оказался целый ряд актуальных вопросов, среди которых проблема неизбежности/вероятности Революции, ее причины, роль различных политических и социальных сил в событиях и многие другие. В новейшей историографии по этим проблемам высказываются различные, порой полярные точки зрения, острота дискуссий в ряде случаев достигает беспрецедентного накала⁶. Как отметил директор Института российской истории РАН Ю. А. Петров в своей «юбилейной» историографической статье, «надо признать, что исследование многообразной политической, социальной, экономической, интеллектуальной жизни России эпохи «великих потрясений» остаётся актуальной задачей историков»⁷. В этой связи для прояснения ряда вопросов должны привлекаться новые и более пристально изучаться опубликованные источники, позволяющие осмыслить ряд дискуссионных моментов, уточнить детали, установить характерные черты происходивших процессов и их восприятие современниками.

Особой разновидностью источников изучения Русской Революции являются мемуарные свидетельства зарубежных очевидцев, среди которых значимую роль играют документы, вышедшие из-под пера военных, политических и общественных деятелей, журналистов. Одно из таких произведений—дневник Ф. Харпер и написанные на его основе мемуары, представляющие собой ценное документальное свидетельство о ходе Февральской (Мартовской) революции⁸, развитии событий весной-летом 1917 г., положении на фронте и в тылу. Книга Ф. Харпер позволяет выявить культурные особенности восприятия западным очевидцем процессов Русской революции, реконструировать внутренний мир автора, индивидуальный опыт переживания повседневности, прояснить фактический ход событий.

*

Харпер, урожденная МакЛеод Флоренс Энн (1886—не ранее 1946)—канадская и американская журналистка. Родилась в Вудстоке, канадской провинции Онтарио. Была восьмым ребенком в семье шотландского эмигранта Уильяма Чарльза МакЛеода и Джейн МакКензи. По свидетельству самой Ф. Харпер, ее назвали в честь британской медсестры Флоренс Найтингейл, которая стала известной благодаря своей деятельности во время

⁶ Петров, Ю.А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции, *Российская история*. no 2. (2017): 4-7.

⁷ Петров, Ю.А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции, 9.

⁸ По европейскому календарю события Февральской революции 1917 г. (23-27 Февраля по ст. стилю, принятому в России в соответствии с юлианским календарем) пришлось на 8-12 марта 1917 г. по новому стилю, т.е. Григорианскому календарю, поэтому на Западе она называется Мартовской. Далее Революция будет называться Февральской в соответствии с традицией российской историографии.

Крымской войны⁹. С 1900 г. Флоренс регулярно бывала в США, работала на американские газеты и журналы в качестве журналистки. До начала Первой мировой войны провела шесть лет в Англии, три года в школе в Торонто, два года в Австралии и Новой Зеландии, несколько зим в Египте и Италии¹⁰. Незадолго до Первой мировой войны она вышла замуж за банкира Ангуса Фредерика Харпера. Во время войны Ф. Харпер работала в Европе как работник в сфере гуманитарной помощи (relief worker) и военный корреспондент. Она приехала в Париж в 1914 г., написав позже, что битва на Марне «впервые принесла ей звук больших орудий, и было невозможно оставаться без дела, поэтому я погрузилась в тяжелую работу, от которой до работы в газете был только один шаг»¹¹. (The battle of the Marne “brought her the sound of big guns for the first time, and it was impossible to stay idle, so I plunged headlong into relief work. From that to newspaper work was only a step”). В 1916 г. она освещала события на Западном фронте, во Франции. В начале 1917 г. приехала в Россию в качестве специального военного корреспондента американского журнала «Леслис Викили» (“Leslie’s Illustrated Weekly Newspaper”). Во время командировки в Россию она, помимо этого, была уполномочена делать фотографии для ведущей американской газеты “The New York Times” и для американской кинокомпании “Paramount Pictures”, была штатным корреспондентом и официальным фотографом американского информационного агентства “Central News Photo Service”¹². Она работала в России вместе с Дональдом Томпсоном, штатным военным фотографом “Leslie’s”, с конца февраля по конец августа (начало сентября по григорианскому стилю) 1917 г., став свидетелем Февральской революции, действий Временного правительства, борьбы политических сил, июльского вооруженного мятежа, выступления Л.Г. Корнилова.

По возвращении из России в США Ф. Харпер написала книгу, запечатлевшую ее опыт, которая была опубликована в Нью-Йорке в 1918 г. и получила положительные отзывы в прессе. Одним из таких отзывов была рецензия в «Frank Leslie’s Weekly», в которой говорилось: «Целый поток материалов был опубликован о Русской революции, но ничего более интересного не появилось на эту тему, чем книга Флоренс МакЛеод Харпер “Неудержимая Россия”»¹³. (“A FLOOD of matter has been published concerning the Russian revolution, but nothing more interesting has appeared on the subject than Florence MacLeod Harper’s book, “Runaway Russia”). В другом издании, журнале «Конституция Атланты», так отзывались о Ф. Харпер и ее книге: «Госпожа Харпер поехала в Россию, специально снаряженная для этой

⁹ Россия 1917 года в эго-документах: Записки репортера. (Москва: Политическая энциклопедия, 2016), 5

¹⁰ Who is Florence Harper?, in: *The Atlanta Constitution*. 2018. Sunday, May 19, p. 14.

¹¹ Ibidem.

¹² Россия 1917 года в эго-документах: Записки репортера. (Москва: Политическая энциклопедия, 2016), 5.

¹³ In Russia’s Storm Center, in: *Frank Leslie’s Weekly*, May 11, 1918.

работы,—она была обученным газетным корреспондентом и ветераном, когда дело доходило до проведения кампаний. Обладая всеми необходимыми качествами, от драматического инстинкта до взгляда художника, она погрузилась в революцию с «простым шотландским предчувствием», и она не только представила в книге трагическую борьбу за свободу, но и так рассказала историю, что она волнует читателя, подобно захватывающему рассказу Конан Дойла¹⁴. (“Mrs. Harper went to Russia specially equipped for this work—she is a trained newspaper correspondent and a veteran when it comes to campaign work. Possessing all the qualities needed, from the dramatic instinct to the artist’s eye, she plunged into the midst of the revolution with what she terms a “plain Scotch hunch”, and she not only presents the tragic struggle for freedom, but tells the story in a way that is as thrilling as one of Conan Doyle’s breath-taking stories”).

Согласно переписи населения США 1920 г., местом проживания семьи Харпер после Первой мировой войны была деревня Дансвилл в округе Ливингстон, штат Нью-Йорк. В годы Второй мировой войны Ф. Харпер, к тому времени уже овдовевшая, работала в американской волонтерской организации «Общество помощи британцам, пострадавшим от войны»—“British War Relief Society”¹⁵.

*

Ф. Харпер зафиксировала факты и свои впечатления, характеризующие события Русской революции с февраля по август 1917 г. Она прибыла в Петроград вместе с Дональдом Томпсоном накануне Революции, 12 (25) февраля 1917 г. Важное свидетельство этих десяти предреволюционных дней, содержащееся в книге—голод в столице, дефицит продовольствия, недоступность продуктов первой необходимости для бедняков. Она описывает длинные очереди за хлебом, отмечая при этом, что в России было достаточно продовольствия, чтобы накормить все население¹⁶.

*«There was no scarcity of food in Russia. There was more than enough to feed the whole population, but for some reason or other, things had fallen into a terrible state in Petrograd. The bread-lines were long; everything was dear. When I say “dear,” I mean it was quite impossible for the poor people to have the common necessities of life»*¹⁷.

¹⁴ Who is Florence Harper?, in: *The Atlanta Constitution*. 2018. Sunday, May 19, p. 14.

¹⁵ Россия 1917 года в эго-документах: Записки репортера. (Москва: Политическая энциклопедия, 2016), 5.

¹⁶ У земледельцев было много хлеба, но они не согласились с твердыми ценами, предложенными правительством, и отказывались продавать свой хлеб заготовителям. Продразверстка, введенная в декабре 1916 г., провалилась. См.: Кондратьев, Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. (Москва: Наука, 1991): 203-204.

¹⁷ Harper F. MacLeod. *Runaway Russia*. (New York: The Century Co, 1918), 21-22.

Другое свидетельство, важное для понимания предпосылок революционного взрыва—констатация кризисного состояния общественного сознания. О психологической готовности людей к потрясениям на руб. 1916–1917 гг. говорят разнообразны источники¹⁸. «Предгрозовое состояние» общественной атмосферы, свидетельствующее о широком общественном недовольстве, ожиданиях судьбоносных перемен, напряженности и дезориентации фиксируется и в записях Ф. Харпер. В частности, она писала: *“The American vice-consul (she meant Lee Frank Charles, her friend¹⁹) ... seemed very excited about the political situation and told me that trouble was expected any minute... Everyone I spoke to seemed so very excited and muddled that it was difficult to find out the real state of affairs. Nobody knew what was going to happen, but everybody agreed that something was going to happen. They all said the same thing—“Wait a while!” ... I do not know why, because I hadn't been in Russia, long enough, but, like everybody else there, I knew that trouble was coming”*²⁰.

Ф. Харпер описывает события начавшейся Революции: стихийные волнения на Невском проспекте и в других местах, многочисленные спонтанные столкновения демонстрантов, вышедшего на улицы народа с защитниками старого режима. Они были вызваны, как это очевидно из текста, общественным возбуждением и напряжением, с одной стороны, и отчаянными попытками старой власти сохранить порядок,—с другой, переходом частей гарнизона на сторону революции.

Один из центральных сюжетов повествования Ф. Харпер—тема насилия и жертв революции. Она фиксирует постепенное развитие погромной активности рабочих, солдатских масс и «городского отребья» в ходе событий 23–27 февраля. К 25 февраля, по ее свидетельству, к бунтующим толпам на Невском присоединилось «все отребье из городских предместий»:

*«By Saturday morning (25 февраля /10 марта—О.П.) the mobs in the Nevsky had been joined by all the riff-raff from the outskirts»*²¹.

Автор описывает акты насилия перешедших на сторону революции солдат Петроградского гарнизона, убивавших полицейских, громивших и грабивших, наряду с анархистами и уголовниками, квартиры мирных жителей, магазины и лавки. С другой стороны, она живописует расправы над протестующими переодетыми в солдат полицейских, стрелявших в толпу, верных правительству солдатских частей, казаков. Харпер, в частности, описывает утро 26 февраля (11 марта) на Невском проспекте, начавшееся мирными шествиями добродушно настроенного народа, среди которого было много женщин и детей, собравшихся, казалось, поглазеть на цирковое представление:

¹⁸ РГИА, ф. 1278, оп. 5, д. 1189, л. 220–222; Меньшевики: Док. и мат. 1903—февраль 1917 г. (Москва: РОССПЭН, 1996), 435–437.

¹⁹ См.: Россия 1917 года в эго-документах: Записки репортера. (Москва: Политическая энциклопедия, 2016), 28.

²⁰ Harper F. MacLeod. Runaway Russia. (New York: The Century Co, 1918), 24.

²¹ Ibid, 29.

“Sunday morning the Nevsky was crowded with people. It was a beautiful day. The crowds reminded me of a circus day” in a small town. I never saw so many children. Everybody was out to see the fun”²².

Несмотря на мирный настрой, толпа, направлявшаяся с пением «Марсельезы» от Аничкова дворца, была расстреляна полицией и солдатами, при этом среди убитых и раненых было больше женщин и детей, чем мужчин:

«All around lay dead and wounded. There were more women and children than men».²³

Дневник Ф. Харпер, наряду с другими документами, содержит яркие свидетельства вакханалии «революционного» насилия в дни Революции. Они подтверждают положение современной историографии о том, что Февральская Революция, несмотря на ее демократический характер, была ознаменована многочисленными жертвами, а массовое движение в большой степени воплощало практики традиционного бунтарства²⁴.

Тема насилия развивается в ее повествовании о путешествии в Кронштадт и на фронт, где она повествует о расправах матросов над флотскими офицерами²⁵ и солдат над сухопутными офицерами²⁶. Она говорит о ничтожности/отсутствии поводов к арестам и расправам, опьянении безнаказанностью и властью толпы у солдат и, с другой стороны,—чувстве обреченности у офицеров.

«If an officer gave an order that was distasteful to the men, he was simply placed under arrest and either shot or sent to Petrograd to be tried. All the officers knew that they were doomed. It was only a matter of time until they would all become victims of the revolution»²⁷.

Ф. Харпер описывает расправу толпы «революционных матросов» и обывателей над флотскими офицерами в Кронштадте, демонстрирующую психопатологию смуты²⁸:

“They were finally shot, because at that midnight meeting the crowd, impatient and becoming bored, attacked them, shot them, and beat them to death”²⁹.

Известный историк В. П. Булдаков отмечает, что восприятие солдатского поведения как неспровоцированного насилия было характерно для образованных людей того времени, так как они не понимали психологию «безмолвствующего народа». Очевидно, что Ф. Харпер также принадлежит к их числу. Булдаков вскрывает психологические мотивы солдатского

²² Ibid, 37.

²³ Ibid, 39.

²⁴ См., например, Булдаков, В.П. Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. (Москва: РОССПЭН, 1997), 55.

²⁵ Harper F. MacLeod. Runaway Russia, 198.

²⁶ Ibid, 153.

²⁷ Ibid.

²⁸ Данный термин введен в историографию В.П. Булдаковым: См.: Булдаков, В.П. Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. (Москва: РОССПЭН, 1997).

²⁹ Harper F. MacLeod. Runaway Russia, 198.

«палачества»: убежденность в том, что жертвы концентрируют в себе пороки старого режима; «потеря лица» бывшими сильными мира сего перед потенциальными палачами; «неуместный» облик, то есть провоцирующее выпадение случайных особей из психической ауры толпы; ниспровержение революционных квазигероев за отступничество»³⁰.

Рассказывая о событиях апреля-сентября 1917 г., автор уделяет внимание характеристике политических, социальных сил, деятелей революции. Главными политическими фигурами в ее повествовании выступают Керенский и Корнилов, действительно сыгравшие в этот период судьбоносную роль в ходе и исходе событий. Керенский выступает как демагог, фигура слабая и нерешительная, упустившая реальную возможность ликвидации большевизма и анархии:

*"If any man could have saved Russia in the beginning, Kerensky could have done it, if he had been a man of action, instead of a demagogue"*³¹.

В противоположность ему Корнилов характеризуется как человек действия, честный солдат и истинный патриот, поражение которого означало утрату последнего шанса спасения России.

*"The contrast between his statement and the speeches of Kerensky proves that one was a true patriot in heart and soul, working for the good of his country, and that the other was a demagogue who had been too long at the head of the government"*³².

Мятеж Л.Г. Корнилова, отношение к нему разных политических и социальных групп, поведение солдат противоборствующих сторон, личные переживания автора стали последними событиями конца августа 1917 г. (начала сентября по григорианскому календарю), яркое описание которых дано в книге Ф. Харпер³³.

Наиболее опасными политическими явлениями, изображаемыми автором как болезнь, поразившая русский народ, выступают в книге большевизм и социализм.

*"It was just the canker of socialism eating into their hearts and destroying all that was good in them"*³⁴.

Большевики и другие радикальные социалисты рассматриваются Ф. Харпер не как самостоятельные игроки на поле революции, а как агенты внешнего врага—Германии. Последняя, по мнению автора, провела умелую интригу, направленную на разложение русской армии и тыла. Она, как утверждает Харпер, действовала через своих агентов—большевиков, русских евреев, русских немцев, выходцев из Прибалтийских губерний³⁵, «интернационалистов» всякого рода, членов левых социалистических

³⁰ Булдаков, В.П. Красная Смута, 121.

³¹ Harper F. MacLeod. Runaway Russia, 222.

³² Ibid, 285.

³³ Ibid, 272-287. Далее, в последней, XIX главе, она повествует о своем долгом возвращении на родину.

³⁴ Ibid, 152.

³⁵ Их влияние на рабочий класс Петрограда, объясняющее увлечение рабочих немецкими учениями, автор явно переоценивает.

партий. После Октябрьского переворота Ф. Харпер продолжала утверждать, что Германия вывела многочисленную русскую армию из войны не за счет превосходства в силе, а морально разложив ее изнутри³⁶.

Германия непосредственно подрывала, как пишет Харпер, боеспособность русской армии, забрасывая русские окопы лживыми газетами и листовками. Ф. Харпер выдвигает обвинения в бездействии в адрес стран Антанты, т.к. считает, что союзники не противопоставили германской пропаганде столь же активную и эффективную контрпропаганду: антигерманскую и про-союзническую.

"The German agents told him³⁷ that the war was brought on by the capitalists of France, England, and Germany, and that America joined the Allies because the money power forced the President to declare war. These lies were never contradicted. He (a soldier—O.P.) was willing to hear the other side, if there had been anybody to tell him, but as time went on and he only heard the arguments of the pro-German socialists, despite his innate common sense, he believed"³⁸.

Справедливости ради следует отметить, что союзники предпринимали попытки контрпропаганды. Этой цели были подчинены многочисленные поездки политических и общественных деятелей стран Антанты в Россию, в том числе миссии известных социалистов А. Тома, А. Гендерсона и других. Разрабатывались с этой целью и специальные планы. Например, генерал Пуль, глава Британского отдела военного снабжения в России, подготовил в июле 1917 г. специальный проект по развертыванию пропагандистской кампании в России. Правда, он так и остался на бумаге³⁹. Ф. Харпер уповала на пропаганду союзниками идеалов «истинной демократии» среди солдат, которая, по ее мнению, могла быть эффективной.

«If there had been anything done to counteract the effects of German intrigue, if the Allies had used some weapon and spread the propaganda of true democracy among these men, they would have been loyal to their ideal. But they (Siberian soldiers in this context—O.P.) were left to their fate»⁴⁰.

Она не понимала или не отдавала себе отчет в причинах невосприимчивости солдат к такой пропаганде. Главным приоритетом для них с лета 1917 г. стало прекращение войны. Все, кто выступал за войну «до победного конца», терял авторитет в их глазах и превращался в защитника «буржуазии», какие бы демократические идеалы он ни провозглашал. Среди солдат, кроме того, набирал силу идеал «подлинно народной власти», способной заключить всеобщий демократический мир. Ф. Харпер приводит свидетельства разочарования русских солдат в союзниках, когда они

³⁶ "Taking it Easy in Free Russia", by Florence Harper, in: *Frank Leslie's Weekly*, November 17, 1917.

³⁷ Она имеет в виду русских солдат, большинство из которых были крестьянами.

³⁸ Harper F. MacLeod. *Runaway Russia*, 219.

³⁹ См.: Голубинов, Я.А. Наблюдая революцию: Британский отдел военного снабжения генерала Пуля в России в 1917- нач. 1918, *Гуманитарные науки в Сибири*. no 1, Vol. 24, (2017), 29.

⁴⁰ Harper F. MacLeod. *Runaway Russia*, 239.

уверовали в то, что война ведется исключительно в интересах международной, прежде всего английской и французской, буржуазии. Антисоюзнические настроения солдат отражены и в других источниках. В июне–июле в их письмах с фронта отчетливо проступает образ своекорыстных союзников-врагов: «Россия находится в зависимости от Англии, наша кровь льется ради них»⁴¹; «Долой войну в пользу Франции и Англии – наших врагов»⁴²; «Англия и Франция воюют за счет русского солдата, свое войско берегут»⁴³; «Наши солдаты умирают за английский и французский капитал»⁴⁴ и т.д. В 170 из 330 изученных нами писем рабочих, солдат и крестьян (51,5 %) в редакцию газеты «Известия», Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, ВЦИК Советов I и II созывов весной–осенью 1917 г. требования мира коррелировали с «антибуржуйскими» настроениями, выражением разочарования в союзниках и высказываниями в пользу «подлинно народной власти», без институтов буржуазной представительной демократии⁴⁵.

Борьба с прогерманской пропагандой и восстановление дисциплины в армии рассматривались Ф. Харпер как два главных условия сохранения завоеваний Русской революции и обеспечения ее позитивных результатов⁴⁶.

Ряд сюжетов повествования Ф. Харпер посвящены описаниям каждодневных, обыденных явлений, проблем, определявших повседневную жизнь людей в этот период. Ф. Харпер в своем повествовании сообщает ценные детали, которые могут быть использованы для реконструкции революционной повседневности этого периода.

Важнейшей проблемой этого времени была продовольственная, раскрытая автором через призму личных переживаний и собственного опыта выживания. Несмотря на недостаток продовольствия и дороговизну, по свидетельству Харпер, кафе и рестораны в Петрограде были переполнены⁴⁷. Харпер описывает типичное меню ресторанов весной и летом 1917 г.: «На 8 рублей можно было получить обед, состоявший из супа, обычно капустного, рыбы, мяса или дичи, чаще дичи, сладостей и кофе (последние два оплачивались дополнительно)»⁴⁸. Она констатирует, что еда в ресторанах была плохой и становилась все хуже в течение лета, хотя цены там постоянно росли⁴⁹. Например, за обед, стоивший весной 8 рублей, летом надо было заплатить уже 9 рублей⁵⁰. Ф. Харпер удивляло, что в период революции, при недостатке и недоступности даже черного хлеба для бедняков, в ряде мест, например, в «Астории», в кафе «Империя», подавали белые

⁴¹ ГАРФ, ф. 1235, оп. 53, д. 9, л. 44.

⁴² Там же, л. 69.

⁴³ Там же, л. 73.

⁴⁴ Там же, л. 49.

⁴⁵ Поршнева, О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. (Москва: РОССПЭН, 2004), 221-222.

⁴⁶ Harper F. MacLeod. Runaway Russia, 285.

⁴⁷ Ibid, 23, 192-193.

⁴⁸ Ibid, 23-24.

⁴⁹ Ibid, 24-25, 182.

⁵⁰ Ibid, 182.

булочки, пирожные и кофе с молоком, а извозчики скармливали хлеб своим лошадям⁵¹. Постоянным ощущением Ф. Харпер в России было чувство голода. Иногда,—пишет она,—я была столь голодна, что не могла уснуть⁵².

Взросшая значимость продовольствия, по свидетельству мемуаристки, проявлялась в том, что люди особенно радовались посетителям, приходившим с продуктами. Ф. Харпер описывает восторг, который она и ее друзья испытали, когда их знакомый принес кусок бекона, 2 банки алкоголя, пакет белой муки и два фунта сахара: «Даже если бы он принес миллион рублей, его не принимали бы так радостно»,—пишет она⁵³.

Причину дефицита продовольствия Харпер видит в позиции крестьянства, отказывавшегося поставлять продовольственную продукцию в город. В деревне, по описаниям Харпер, сделанным на основе личных наблюдений и со слов очевидцев, привозивших оттуда продукты, было их изобилие⁵⁴. Крестьяне, по словам Харпер, заявляли о том, что города переполнены анархистами и германскими шпионами, которых они не желали кормить⁵⁵. Однако истинной причиной нежелания крестьян продавать продукцию были низкие «твердые» цены на хлеб при высоких ценах на промышленные товары, что ускользнуло от внимания американской наблюдательницы.

Ф. Харпер описывает ситуацию перманентного повышения магазинных цен на промышленные товары, когда многие люди оказывались не в состоянии приобрести даже крайне необходимые им вещи⁵⁶. В течение недели цена на товар могла вырасти почти в два раза, очень часто невозможно было найти необходимый предмет. Пока человек искал его,—пишет она,—цена становилась непомерно высокой. Отметим важное наблюдение журналистки, относящееся к функционированию рынка и предпринимательства: к концу лета запас импортных товаров в магазинах иссяк, и они вынуждены были закрываться, так как нечего было продавать. Даже магазины, торговавшие российскими мануфактурными товарами, должны были закрываться из-за того, что работники, как пишет Харпер, постоянно либо бастовали, либо произносили речи, а фабрики, поставлявшие эти товары, закрывались из-за недостатка сырья⁵⁷.

Свидетельством дороговизны и дефицита была, как пишет Харпер, невозможность для бедных людей приобрести гробы для своих умерших родственников. Ф. Харпер описывает, как бедняки сидели вместе с телами своих покойников и просили милостыню на гроб и замечает, что люди часто жертвовали копейки на погребение молодых, но редко—пожилых умерших⁵⁸.

⁵¹ Ibid, 190.

⁵² Ibid, 186.

⁵³ Ibid, 183.

⁵⁴ Ibid, 10, 181.

⁵⁵ Ibid, 181.

⁵⁶ Ibid, 24, 190.

⁵⁷ Ibid, 191.

⁵⁸ Ibid, 69.

Другая деталь революционной обыденности, зафиксированная в мемуарах,—состояние общественного транспорта и транспортных услуг в столице. По ее свидетельству, было невозможно найти свободное место в трамвае, так как все трамваи были оккупированы солдатами. Они, осознавая свою вновь приобретенную силу,—пишет Харпер,—отказывались платить за проезд. Если же вам все-таки удавалось найти там место,—замечает мемуаристка,—вы обязательно подвергались оскорблениям. Однажды, при попытке пробраться к выходу, Ф. Харпер услышала от одного парня: «Что ты делаешь, проклятая буржуйка в шляпе? Скоро мы будем убивать всех вас!»⁵⁹.

Только миллионеры, по ее словам, могли ездить в экипажах. За проезд, который год назад стоил 50 копеек, теперь необходимо было платить 10 рублей. Проезд от Исаакиевского собора до Екатерининского канала и Невского обходился Флоренс в марте в 1,5 рубля. В сентябре за это же расстояние извозчики требовали уже 8 рублей, затем делая скидку до 6 руб. Не удивительно,—пишет Харпер,—что они могли покупать черный хлеб для своих лошадей⁶⁰.

Журналистка пишет о состоянии здоровья населения, типичных заболеваниях в этот период, их причинах. Важное ее наблюдение—антисанитария в столице, распространение желудочно-кишечных заболеваний, дизентерии, уносившей множество жизней. Городскими властями был издан специальный запрет есть сырые овощи и фрукты. Люди не решались покупать даже подешевевшую клубнику⁶¹. Было типичным, по свидетельству Харпер, после вопроса к мужчине: «как ваша жена» получить ответ, что она уже неделю больна: «желудок, вы понимаете». Распространенным был отказ от приглашений на вечер со ссылкой на плохое самочувствие, со словами: «желудок, вы знаете»⁶².

В повествовании автора даются сведения, характеризующие социальную жизнь представителей образованных слоев столичного общества в условиях Революции. Недостаток продовольствия привел к замиранию социальной жизни, вечеринок, по свидетельству Харпер, почти прекратили проводиться. Кроме того, нельзя было определенно сказать, придет ли приглашенный гость, или нет, из-за беспорядков и стрельбы на улице. Самой Харпер не раз приходилось возвращаться назад в такой ситуации. Однако вечера все же проводились⁶³. Харпер описывает типичный русский вечер, который обычно начинался в 9 или 10 вечера и продолжался до утра. Около 12 часов гости собирались вокруг столов для ужина, чтобы выпить чая с бутербродами.

⁵⁹ Ibid, 192.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Ibid, 179.

⁶² Ibid, 180.

⁶³ Об активной досуговой жизни, многочисленности клубов в обеих столицах после Февральской революции и особой популярности тех, которые имели хороший буфет, говорит в своем исследовании И.С. Розенталь. См.: Розенталь, И.С. «И вот общественное мнение!» Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII—начало XX вв. (Москва: Новый хронограф, 2007), 314.

Была музыка и танцы, если присутствовали американцы, и «аргументы по каждому предмету под солнцем» (разговоры обо всем на свете—О.П.)⁶⁴. Образованная обеспеченная публика, как следует из мемуаров, посещала театры, которые также, как и другие заведения, были захвачены забастовочной и митинговой стихией, из-за чего иногда срывались спектакли⁶⁵. Однако сведения о работе театров относятся к начальному периоду революции, продолжение данная тема в дневнике не получила. Исключением является описание самодеятельного театра на фронте, исполнявшего скетч, который она и другие медсестры посетили во время поездки на офицерский бал⁶⁶.

Отдельный сюжет воспоминаний Ф. Харпер—фронтальная повседневность и повседневность прифронтального госпиталя. Она работала в качестве хирургической сестры в полевом госпитале в четырех милях от линии германского фронта, куда была устроена американским хирургом, полковником Хардом из Сизтла⁶⁷.

Одно из свидетельств Ф. Харпер—хронический недостаток в госпитале необходимых медицинских инструментов, материалов и оборудования. В результате почти весь медицинский инвентарь делался доктором Хардом вручную. Несмотря на то, что до ближайшего склада в Минске было 24 часа езды на медленном поезде, требовалось от 2-х до 4-х недель, свидетельствует Харпер, чтобы инструменты оттуда были доставлены. Зачастую заказывать их не было смысла, т.к. они отсутствовали и там⁶⁸. «Если бы я был во Франции, у меня был бы весь необходимый инвентарь,—говорил Хард,—но поскольку у меня его нет, мы должны сами сделать его»⁶⁹.

По свидетельству Харпер, полковник Хард имел огромный авторитет и славу выдающегося врача среди солдат и местного населения. Это привлекало к нему потоки крестьян, нуждавшихся в лечении, со всей округи. Хард никому не отказывал в помощи, и окрестное население верило в него, как в спасителя⁷⁰. Однако это отношение не помешало солдатам, работавшим в госпитале, действовать во вред Харду. Они стали избегать какой-либо работы, не выполняли распоряжения Харда и других начальников, противились всяким авторитетам. Харпер пишет: «Я полагаю, они проводили ночи напролет в придумывании новых способов досадить начальнику в течение дня. При этом не было ничего личного в этом. Солдаты называли его “чудесный человек”, восхищались им, безгранично верили, как дети, в его способности. Они сохраняли уважение и восхищение им, что было удивительно (в революционных условиях—О.П.)»⁷¹.

⁶⁴ Harper F. MacLeod. *Runaway Russia*, 183.

⁶⁵ *Ibid.*, 22.

⁶⁶ *Ibid.*, 112-113.

⁶⁷ Taking it Easy in Free Russia, by Florence Harper, in: *Frank Leslie's Weekly*, November 17, 1917.

⁶⁸ Harper F. MacLeod. *Runaway Russia*, 90.

⁶⁹ *Ibid.*

⁷⁰ *Ibid.*, 92-93.

⁷¹ *Ibid.*, 152.

Автор мемуаров описывает повседневное поведение солдат, выполнявших различные хозяйственные работы в госпитале. Получив «новую свободу» они постепенно все больше пренебрегали своими обязанностями, а порой и отказывались их выполнять. Представления о социальной справедливости побуждали солдат отбирать молоко, полагавшееся врачам и медсестрам, даже тогда, когда его количество, рассчитанное на 15 человек, обеспечивало по 1 чайной ложке каждого из 200 солдат. Солдатский комитет присутствовал при забое скота с целью проследить, чтобы старшая сестра госпиталя не взяла больше мяса для медперсонала, чем это было абсолютно необходимо⁷².

Важное место в книге занимает образ России и русских, который автор использует как интерпретационную модель, во многом объясняющую характер революции и ход событий. Ф. Харпер была убеждена, что причина увлечения русского народа социализмом и большевизмом—его утопическое сознание («Русский мужик—дитя грез»). Характеризуя крестьянский общинно-уравнительный утопический идеал справедливого мироустройства, она пишет:

*“The Russian muzhik is a child of dreams... He is a lover of peace. He is an idealist, and his ideal is a Utopia where each child shall have a chance from birth, and before birth, where there will be no poverty, but communities of workers who respect their work and are respected because they work; where there will be no parasites, but where each man will justify his existence through work. That is what I see in the real heart of Russia”*⁷³.

Другая причина «заражения» русского народа бациллой социализма и большевизма, по мнению автора,—отсутствие у простого крестьянина чувства родины, подлинного патриотизма и представлений о России в целом, как государстве с определенными интересами, положением и т.д.

*“The peasant doesn't care what government is in power at Petrograd. In the bottom of his heart he doesn't care if there is a czar, a president, or a dictator. Having no idea of Russia as a whole, he doesn't see what connection the central government in Petrograd has with his own particular government, or closer still, to his own particular «mir», or village community”*⁷⁴.

Стоит отметить, что ограниченность кругозора, отсутствие «подлинного патриотизма» и представлений об общенациональных интересах у крестьян-солдат неоднократно отмечались в мемуарах как иностранных, так и русских офицеров-очевидцев событий 1917 г.⁷⁵ Этот феномен можно интерпретировать

⁷² Ibid, 149.

⁷³ Ibid, 241-242.

⁷⁴ Ibid, 218.

⁷⁵ Нокс, А. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917/ Пер. с англ. А.Л. Андреева. (Москва: ЗАО Центр-полиграф, 2014), 537; Бруслов, А.А. Мои воспоминания. (Москва-Ленинград: Госиздат, 1929), 72; Головин, Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. В 2-х т. (Париж: Тов-во объединенных издателей, 1939). Т. 2, 125; Деникин, А.И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль—сентябрь 1917. (Москва: Наука, 1991), 89; Степун, Ф. Бывшее и несбывшееся. (Санкт-Петербург: «Алетейя», Прогресс, 1994), 270.

как проявление незавершенности процессов модернизации, формирования российской нации и национального самосознания в России.

Общенациональное самосознание россиян, как следует из рассуждений Харпер, не могло сложиться из-за этнической пестроты и разнообразия жизненных укладов многочисленных народов, населяющих страну. Это, по мнению автора, затрудняет понимание иностранцами психологии ее жителей как единой общности.

“Where another nation has one unknown quantity, Russia has a dozen. To understand Russia, one must know not only the Russian of Petrograd, but the German-Russian of the Baltic provinces, the Finnish-Russian of the north, the Little Russian, the Cossack, the Tatar, the Armenian-Russian, the Siberian; in fact, one must know not only one nationality, but a hundred. All of these go to make up Russia”.⁷⁶

Учитывая этническое многообразие и социальные контрасты, существующие в России, она выделяет разные типы русских: интеллигентный русский—космополит Петрограда; выходцы из прибалтийских губерний; прогермански настроенные рабочие Петрограда; «более настоящий русский» Москвы; подлинно настоящий русский, проживающий вдали от крупных городов—«мужик», для которого патриотизм, «как мы его понимаем»,—пишет Харпер,—не существует⁷⁷.

Автор отличает Россию и от собственно Востока, и от Европы, утверждая, что она уникальна, «в России все по-своему».

*“I thought that Russia would seem more homelike, or at least more European, but when one crosses the boundary into Russia all one’s previous experiences, bora of travel in other lands, may well be forgotten. Russia’s ways are entirely her own”*⁷⁸.

Помимо уже отмеченных в ее повествовании особенностей, отражающих в разной степени реальную специфику страны, некоторые истолкования носят характер суждений, порожденных стереотипами восприятия иной культуры. К ним относится представление о непредсказуемости России:

*«Still no one knew what was going to happen..., because Russia is the country where the inevitable never happens»*⁷⁹.

Ф. Харпер, как это следует из текста ее книги, разделяла ряд присущих западному сознанию «ориенталистских»/колониальных стереотипов в отношении России и русских. Среди них следует отметить, прежде всего, представления о «наивности» русских, что относилось, главным образом, к «низам», наблюдаемым ею солдатам. Кроме того, ряд характеристик относились ко всем русским, которые в ее изображении были «суверены», «флегматичны», «любопытны», «непунктуальны». Она писала:

⁷⁶ Harper F. MacLeod. *Runaway Russia*, 229.

⁷⁷ *Ibid*, 229-231.

⁷⁸ *Ibid*, 3-4.

⁷⁹ *Ibid*, 35-36.

«*The Russian is very curious*», “*Being Russians, naturally they postponed it for a week or ten days*”, “*He was so different from the usual stolid Russian type that we saw by the hundred*” и т.д.⁸⁰

Харпер неоднократно отмечала наивность русских солдат, сравнивая их с «детьми», «обиженными детьми» и т.п., слепо верившими искусной лжи врага, виду красной печати и т.п.⁸¹

«*They were like hurt children when they found out that they had been deceived*»⁸².

В ее словах сквозит представление о привычке простых русских к внешнему контролю и убеждение в том, что в его отсутствии они следуют примитивным инстинктам и склонны к произволу. Отчасти это отражало реалии, связанные с традициями общинного контроля за поведением крестьян, и дисциплинарного контроля, со стороны командиров,—в армии. В условиях революции последний был утрачен в отношении солдатской массы, что привело к росту анархии и радикализма:

«*It was curious to see, week after week, how the soldiers, unchecked, became more radical*»⁸³.

Среди репрезентаций такого рода и наивность русских девушек—медсестер, не понимавших, как считала Харпер, смысла революционных деклараций, которые были «закрытой книгой» для них (“*the thought and spirit of the words was a closed book to them*»), но веривших им и восторженно поддерживавших их⁸⁴.

В своей статье “*Taking it Easy in Free Russia*» в газете «*Frank Leslie’s Weekly*», опубликованной уже после Октябрьского переворота, Ф. Харпер, возвращаясь к событиям, последовавшим после Февральской революции, вновь подчеркивает гражданскую «незрелость» русских людей. Она писала: “*The people of Russia are children playing a new game, a game for grownups. They know the rules but vaguely*”⁸⁵.

Следует отметить, что стереотип представлений о том, что «русские—как дети» был характерен для многих представителей союзнических военных и дипломатических миссий, прежде всего британских⁸⁶. Он отражал широко распространенные в британском обществе представления об отсталости, «варварстве» России, в рамках которых русские, даже представители элиты, казались британцам дикарями или, в лучшем случае,

⁸⁰ Ibid, 141, 228, 248, 258.

⁸¹ Ibid, 62, 152, 134-135, 234.

⁸² Ibid, 134.

⁸³ Ibid, 159.

⁸⁴ Ibid, 94.

⁸⁵ Taking it Easy in Free Russia, by Florence Harper, in: *Frank Leslie’s Weekly*, November 17, 1917.

⁸⁶ Портнягин, Д.И. Британские дипломатические и военные представители о состоянии русской армии и флота в 1917 г., Великая война 1914–1918 гг. *Альманах Российской Ассоциации историков Первой мировой войны*. Выпуск 3. (Москва: Квадрига, 2014), 23; Нокс, А. Вместе с русской армией. *Дневник военного атташе. 1914–1917*. (Москва: ЗАО Центр-полиграф, 2014), 525, 539.

наивными импульсивными детьми, что во многом совпадало с британскими представлениями о «нецивилизованных» народах вообще.⁸⁷

Другое представление Харпер о русских—мнение о том, что «любой русский» склонен произносить и слушать речи⁸⁸. «Any Russian is always willing to make a speech on any subject at any time. If he cannot make a speech, he will do the next best thing—be willing to listen to one»⁸⁹.

Безусловно, необразованность и ограниченность кругозора большинства русских крестьян, солдат и части рабочих делала их восприимчивыми к демагогии образованных ораторов и речам их наиболее подготовленных товарищей. В результате, как замечает Харпер, солдаты склонны были соглашаться с «каждым последним оратором»:

*«They always agree with the last man, and as long as they have a speech to listen to, it really doesn't matter to them what it is about»*⁹⁰.

Однако в своем объяснении Харпер преувеличивает «ораторские способности» русских, не учитывает фактор эйфории, переживаемой в России в связи с крушением вековых устоев, переходом к «свободной» жизни. Психологическая потребность людей осознать кардинальные перемены, «выговориться» также является общей чертой революционных эпох. Сказывался главный фактор—жажда справедливости массами, обуславливавшая их поддержку всем, кто обещает ее реализацию.

Отдельная тема, которая может быть выделена в рамках дискурса Ф. Харпер—женщины в России и женщины в революции. Ряд замечаний и описаний автора объективно свидетельствуют о сохранении в России и силе традиционалистских гендерных стереотипов в отношении женщин, рассматривающих их как существ «более низкого» сорта. К ним относятся представления об «унизительности» прислуживания женщинам, проявлявшиеся официантами, «освобожденными революцией», офицерами, солдатами и другими мужчинами; о существовании чисто женской работы и женских дел, которые не должны делать мужчины⁹¹. Это проявлялось не только в отказе солдат сажать картофель, т.к. это считалось «женским делом», но и воевать, после того, как они узнали о женских батальонах. Солдаты посчитали, как свидетельствует Ф. Харпер, что «война превратилась в женское дело», поэтому в них больше не было на фронте никакой нужды.

*“A great many men who were willing to fight refused to fight, because they said fighting had become woman's work and therefore there was no need for them”*⁹².

⁸⁷ Адамов, Д.П. Образ союзника: Россия глазами британской общественности в годы Первой мировой войны, Уральский исторический вестник. no 1 (42). (2014), 54.

⁸⁸ Harper F. MacLeod. Runaway Russia. P. 152, 157, 158; Оно встречается также у А. Нокса. См.: Нокс, А. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917 (Москва: ЗАО Центр-полиграф, 2014), 542.

⁸⁹ Harper F. MacLeod. Runaway Russia, 157.

⁹⁰ Ibid, 158.

⁹¹ Ibid, 128, 146, 151.

⁹² Ibid, 168.

Отдавая должное отваге и самоотверженности участниц женских батальонов, Ф. Харпер подчеркивает, что традиционные гендерные представления, разделяемые как мужчинами, так и самими женщинами, обусловили поражение дела М. Бочкаревой⁹³.

Изображение женщин, их положения и действий происходит в книге в контексте характеристики их роли в революции. Ф. Харпер считает, что женщины сыграли не меньшую, а то и большую роль в ее событиях, чем мужчины, т.к. именно они начали революцию, поддерживали ее и лучше, чем мужчины, знали, что они хотят⁹⁴.

Автор не поддерживает суфражисток, критически относится к миссии Эмили Панкхерст, к ее идее о введении избирательного права для женщин как панацеи в решении женского вопроса. Харпер критикует Панкхерст, которая «вздумала» учить русских женщин, как им завладеть свободой, утверждает, что миссия Панкхерст изначально была обречена на поражение. Причиной ее провала было, как отмечает Харпер, непонимание качественно иных условий, в которых находились российские женщины. Ф. Харпер солидаризуется со словами русской девушки, высказавшейся против перенесения на русскую почву непригодных для России рецептов борьбы за эмансипацию, цитируя их в дневнике:

*“Here we have suffered for years things that Englishwomen have never even dreamed of. We have been struggling against conditions that are absolutely unknown in the western world. What right has Mrs. Pankhurst to think she can teach us?”*⁹⁵

Очевидно, Ф. Харпер понимала, что для обеспечения женского равноправия в России были необходимы не только введение избирательного права, но и другие кардинальные политические и социальные изменения.

*

В предисловии к книге Ф. Харпер дает общую оценку революции как «огромной, прискорбной трагедии, развертывающейся у нас на глазах» (*“tremendous, pitiful tragedy that was staged before our eyes”*)⁹⁶. Она следующим образом характеризует участие России в войне: «История трехлетней борьбы России—это история терпеливого героизма, противопоставляемого худшей разновидности предательства» (*“The story of Russia’s three years’ fight is one of patient heroism against treachery of the worst kind”*)⁹⁷, выдвигая в качестве главной причины Февральской революции 1917 г. «предательство». Последнее, в ее понимании, было совершено немецкими агентами в среде российской бюрократии, обрекшими страну на бесплодную борьбу, а ее народ—на мучения и страдания. После же Февраля 1917 г. характер

⁹³ Ibid, 166.

⁹⁴ Ibid, 162, 163.

⁹⁵ Ibid, 166.

⁹⁶ Ibid, VII.

⁹⁷ Ibid, IX.

русского народа, его утопические идеалы, по мнению Ф. Харпер, позволили ему быть пойманным в сети германской интриги. Германия подготовила большевиков и других социалистов к роли разрушителей России, разложила своей пропагандой фронт и тыл. Таким образом, Ф. Харпер переоценивает роль германского фактора, не видя внутренних причин русской революции, коренившихся в системном кризисе, неэффективности власти, глубоких социальных противоречиях, социокультурном отчуждении верхов и низов.

Один вывод в книге Харпер позволяет заключить, что она, однако, понимала далеко идущие последствия Русской революции для всего мира, важность изучения ее опыта, «расшифровки» ее послания, учета ее уроков:

*“Recent events have proven that, despite the doctrine that Trotzky is trying to put into force, despite the horrible civil war that is taking place in Russia, other nations are beginning to realize that there is something more to the message, which Russia is trying to give them. There is something finer and deeper and more far-reaching than we have grasped as yet”*⁹⁸.

Автор мемуаров осознавала, что влияние Русской революции и ее осмысление будут происходить еще очень долго, интерпретироваться с учетом опыта развития мирового сообщества.

В июне 1918 г., в разгар Гражданской войны, Ф. Харпер призвала союзников объединить усилия в борьбе с большевиками, поддержав российские антибольшевистские силы. Причем, по ее мнению, должна была быть оказана помощь не только по снабжению Белых армий, но и по отправке в Россию воинских контингентов. Она мотивировала это геополитическими интересами антигерманского блока на Востоке, необходимостью освоения богатств Сибири, которые фактически, как она утверждала, «прибираются к рукам» военнопленными Германии и Австро-Венгрии⁹⁹.

Позже Ф. Харпер обосновывала необходимость широкого вмешательства в российские дела, координации политики союзников в этом вопросе, поддержки англо-французских планов со стороны США. Она полагала, что это позволит положить конец большевистскому насилию и террору, предотвратить распространение заразы большевизма по всему миру. В самой России, по ее мнению, к 1919 г. обозначились усталость масс от анархии, стремление к восстановлению порядка и монархического строя¹⁰⁰. Примечательно, что Ф. Харпер к этому времени изменила свою оценку характера переживаемых Россией потрясений, называя их не Революцией, а разложением империи¹⁰¹.

Она писала: “History knows such examples and calls them the decay of empires. This has nothing in common with a revolution, because it is characterized by the low standard of the morals of the masses. A revolutionary period is a time of self-sacrifice of the masses of the population for human ideals, of the rise of

⁹⁸ Ibid, 241.

⁹⁹ Save the East, by Florence Harper, in: *Frank Leslie's Weekly* June 29, 1918.

¹⁰⁰ The Right Road in Russia, by Florence Harper, in: *Frank Leslie's Weekly*. January 11, 1919.

¹⁰¹ Ibid.

patriotic feelings, of national self-consciousness, as is shown by the invincibility of the revolutionary armies, which are led by noble leaders; and these leaders never act for self-interest. A period of decay of empires, on the contrary, excels by the low morals of the masses, by the general tendency for self-enrichment, by the cowardice of the army, the disappearances of national self-consciousness, and by the exchange of the noble leaders for insignificant personalities who prefer royal beds to their usual humble dwellings. Based on this I affirm that Russia has not had and has not a revolution. She is only living through the most humiliating period of her history, of the decay of a great empire, which is the consequence of the fundamental principles of the crimes committed by the old régime?''¹⁰².

Этот вывод отражает эволюцию взгляда Ф. Харпер на природу русской революции, ставшую результатом ее размышлений над событиями гражданской войны. Флоренс Харпер сравнивала российскую революцию с западными революциями, которые она идеализировала и воспринимала в качестве эталонных. Это определило ее отрицание революционного характера событий 1917 г. и видение этого периода как «падения империи», вызванного ошибками старого режима и приведшего к общему моральному упадку элит и масс. Флоренс Харпер, очевидно, не понимала связи между разложением империй и революциями, массовым разочарованием в старом режиме и в старой морали в условиях социальных потрясений, которые по-разному проявлялись в разном историческом контексте.

Несмотря на некоторые фактологические неточности и субъективные истолкования причин и главных факторов развития революции, книга Харпер представляет собой ценный исторический источник. Она вкупе с другими документами позволяет воссоздать многогранный образ Революции, наполнить его деталями революционной повседневности, «голосами» участников событий, выдающихся и рядовых. Она является источником изучения личности самой Флоренс Харпер, характерных черт и особенностей ее восприятия Русской революции 1917 г.

¹⁰² Ibid.